

УДК 93/94+(4)

МИРАЖ ГЕРМАНСКОГО ПЛАЦДАРМА НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ: ПЛАНИРУЕМОЕ И ДОСТИГНУТОЕ В 1918 г.

© 2025 Л.В. Ланник

Институт всеобщей истории РАН

Статья поступила в редакцию 30.06.2025

Ссылка для цитирования: Ланник Л.В. Мираж германского плацдарма на Средней Волге: планируемое и достигнутое в 1918 г. //Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. Том 7. 2025. Номер 3. С. 139-151.

Весной 1918 г. по условиям Брестского мира Германская империя получила уникальные возможности по дальнейшей комплексной экспансии вглубь Евразии, что резко повысило ее интерес к Среднему Поволжью. Особенностью региона было наличие многочисленных поволжских немцев, готовых ориентироваться на покровительство кайзеровских инстанций. Эскалация Гражданской войны, особенно после восстания Чехословацкого корпуса, была связана с попытками Антанты восстановить Восточный фронт в любом регионе бывшей Российской империи. В этих условиях контроль над Саратовом и Самарой, как и над рядом уездными городами, приобретал не только инфраструктурное и репутационное измерение, но и перспективу прочного германо-советского взаимодействия на устойчивом региональном фундаменте. В этот контекст необходимо поставить образование Немецкой автономии на Волге, а также ряд эпизодов вооруженного противостояния в Заволжье с участием подданных Центральных держав. Необходимые каналы воздействия Германской империи на ситуацию в регионе и мотивация к участию в схватке за Поволжье были более чем достаточными. Только недостаток времени и неблагоприятный для Центральных держав ход кампании 1918 г. на других фронтах Первой мировой войны не позволил Германии консолидировать имеющиеся рычаги воздействия и лояльные ей силы в регионе.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, поволжские немцы, инфраструктура, консульство, Германская империя, Брестская система, Добавочный договор, Первая мировая война, Гражданская война, Немецкая автономия на Волге, Саратов, Самара.

DOI: 10.37313/2658-4816-2025-7-3-139-151

EDN: XYZZYG

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-01241 «Внешние импульсы эскалации Гражданской войны в Поволжье: направленность, восприятие, результаты. Март – ноябрь 1918 г.»

К постановке проблемы

Избранная тема находится на стыке зачастую довольно слабо интегрированных, но вполне состоявшихся исследований разного уровня и методологии: истории советско-германских отношений, истории совокупности конфликтов, называемой Гражданской войной в России, истории немцев Поволжья (и российских немцев в целом), истории немецких колонизационных проектов и идей применительно к Востоку, истории поздней фазы консервативных монархий, в том числе Российской империи и Кайзеррейха, а также истории финальной кампании Первой мировой

Ланник Леонтий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Институциональная история XX века». E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

войны. Их продолжающаяся нюансировка далеко не компенсирует слабую, а подчас и нулевую конвергенцию. Порой заложенная изначально, в том числе в методологии и при формулировке рамок анализа разобщенность зачастую усиливается: вводится в оборот все новая фактология, но ценой отказа от тематической целостности и более высоких уровней анализа.

И без продолжительного обзора историографии можно констатировать ряд лакун, которые актуализируют постановку новых вопросов по каждому из ранее обозначенных направлений. История советско-германских отношений 1918 г. фактически не имеет поволжской перспективы¹, а русскоязычная историография (не считая краеведческих исследований) откровенно недооценивает важность направления внешней политики Кайзеррейха, связанного с попытками покровительства этническим немцам в различных регионах Российской империи. Сколько-нибудь пристальное внимание к особому витку военной немецкой колонизации на Востоке до сих пор уделялось лишь проектам высшей командной инстанции Восточного фронта (Обер Оста)², а в меньшей степени – на юге Украины, еще реже – в Закавказье. Хорошо известный феномен опоры Берлина на фольксдойче в рамках нацистской политики почему-то отделяется от пролога к использованию этого «инструмента», ведь оспаривается даже наличие такого подхода уже во Втором рейхе, то есть преемственность во многих явлениях Первой (1915-1919) и Второй (1939-1944) германской оккупаций регионов Восточной Европы.

Реалии первого года Советской власти, политико-экономическое обоснование эскалации насилия на разных уровнях оставались важнейшими задачами отечественных исследований на протяжении почти столетия, однако это обеспечило детерминизм и неоправданную унификацию в диагностике локальных и региональных вспышек насилия. Крупнейшей проблемой остается слабая взаимосвязь в анализе событий Гражданской войны и финала Великой войны, продолжавшейся – в различных формах – на многих территориях распавшейся державы Романовых куда дольше, чем на любых других фронтах Первой мировой. Упорный отказ от постановки кампаний вдоль всего «кольца фронтов» в контексте схватки за мировое господство вот уже столетие сопровождается мифологической фразой о «выходе России из Первой мировой войны».

Проблематика гражданских войн, интервенций и различных отзывов и граней противостояния великих держав в мировых войнах была и еще долгое время останется одной из наиболее востребованных и при этом крайне трудно историзируемых. Общая теория конфликтов подобного типа до сих пор находится в стадии становления³, причем выработка ее сталкивается со значительными трудностями, не имеющими отношения к аналитике: давит специфика национальных традиций, которую зачастую гипертрофируют эмоции. Пожалуй, можно констатировать, что масштабы сложившихся историографических традиций и их успехи оказались весомым фактором, не содействующим, а препятствующим их конвергенции, в том числе при региональной фокусировке новых исследований. Это подталкивает к постановке новых задач, решение которых отвечало бы необходимости в новой перспективе схватки сошедшихся в Великой войне коалиций, не сводившейся к прямой оккупации ряда регионов, а имевшей многогранный характер.

«Брестская перспектива» в Среднем Поволжье

Брест-Литовский мирный договор от 3 марта 1918 г. был воспринят (и в явно политизированном виде оценивается и сейчас) как триумфальная победа Германии над Российской империей, а его условия – как основа для будущего выигрыша Центральными державами Первой мировой войны с помощью ресурсов распавшейся Российской империи. Однако довольно быстро возникал вопрос о возможности получения этих ресурсов (особенно сырья и продовольствия) с учетом революционного транспортного и организационного хаоса, а также разгорающейся Гражданской войны между большевиками и их (пока) регионального уровня противниками. В этих условиях критически важным оказалось не только лояльное выполнение Московской условий Бреста (на что надежды было мало), но

и наличие рычагов воздействия и контрагентов в регионах, особенно тех, что обладали экспортным потенциалом. Эти соображения привели, например, к высадке германских войск в Грузии и упорному стремлению к установлению контроля над Баку, однако в ряде случаев даже теоретической возможности прямой оккупации у Кайзера не было. Однако некоторые губернии этого, казалось, и не требовали, ведь там следовало ожидать устойчивых прогерманских настроений.

При оценке положения в различных регионах в условиях распада Российской империи и финала Великой войны базовой (но не вполне уникальной) особенностью Среднего Поволжья, не связанной лишь с климато-географическими условиями, следует признать наличие области сплошной немецкой колонизации в степном Заволжье, с нарастающим накануне Великой войны не только экономическим, но и политико-культурным значением складывающегося особого региона. Новой волной испытаний, косвенно подтвердившей высочайшее значение Саратовской и Самарской губерний в общей структуре социально-экономического развития России, стала высокая даже по меркам первой кампании Гражданской войны политическая нестабильность, связанная с близостью казачьих войск, значением инфраструктуры и Волжского пути, концентрацией военных ресурсов и производств и т.д. Перипетии боев в мае-октябре 1918 г. значительно осложнили напрашивающиеся усилия Центральных держав по использованию потенциала поволжских немцев.

В годы Великой войны по положению российских немцев (различной степени ассимиляции), достигшему к лету 1914 г. уровня, воспринимавшегося зачастую как своего рода гегемония⁴, были нанесены тяжелейшие удары. Однако следует учитывать, что всего за год после падения Российской монархии по-прежнему проклинаемые «тевтоны» смогли вернуть довольно многое на волне демократических преобразований Временного правительства и первых недель большевистского режима⁵. Взрыв надежд – и не только на мир – и особенно у немцев вызвало заключение договора в Брест-Литовске, бурно обсуждавшееся в провинциальной прессе, тем более немецкоязычной⁶.

Детали германских ожиданий и экспансионистских устремлений после 3 марта 1918 г. определялись структурой и перспективами складывавшейся Брестской системы международных отношений⁷, а также степенью дезинтеграции Российской администрации на местах (какую бы власть она ни признавала в тот или иной момент). Важнейшими факторами при анализе всякого процесса в фазе мировых войн является также динамика развития инфраструктуры, технические и организационные параметры средств коммуникации, баланс сырья и средств его транспортировки, стратегические представления и планы правящих элит. Богатая традиция примитивизации представителей «прусского милитаризма», «юнкерской клики» и т.п. почти никогда не учитывает поистине высокий уровень аналитики у многих офицеров Генштаба⁸, у специалистов дипломатического ведомства, ряда финансистов и администраторов. Поэтому почти никогда не упоминается рассматривавшаяся на стратегическом уровне перспектива своего рода ничьей в Великой войне, которая – даже в случае военного разгрома Франции, на который рассчитывали со всей уверенностью в начале августа 1918 г., – означала затяжное противостояние с англосаксонскими талассократиями и их союзниками во всех регионах мира.

При анализе германской активности на Востоке, как дипломатического, так и военных ведомств, возникает вызывавшая некогда крупные дебаты в зарубежной историографии⁹ проблема недооценки либо переоценки последовательности и логики действий кайзеровских чиновников в центральных инстанциях и эмиссаров на местах. Как лакировка, так и примитивизация планирования, проводившегося в дипломатическом ведомстве на Вильгельмштрассе, так и в иных берлинских инстанциях, а также в Ставке Главнокомандования или в Обер Осте, не уместны и требуют тщательной разработки на базе сохранившихся – главным образом дипломатических – архивных источников. Общий рисунок импульсов и информационных потоков был значительно сложнее иерархически прописанного: инициативы поступали в разных направлениях, зачастую не просто одновременно, но даже параллельно друг другу. Перспективы открывались (или конструировались) как из центра, так и на местах, да и постоянное (анти)системное противодействие со стороны

Антантам требовало последовательных усилий, а ресурсов для них хронически (и все более) не хватало. Последнее гарантировало попытки воспользоваться возможностями, открывшимися *ad hoc*, одной из которых стали устойчивые апелляции к германским эмиссарам представителей немцев из различных регионов, в том числе из Поволжья.

Германские усилия: баланс намеченного и достигнутого

Реконструкция германских усилий в Среднем Поволжье не может гарантировать корректные результаты или должным образом верифицироваться, если идти исключительно от личных, локальных или даже региональных уровней информации к стратегическому планированию. Строго обратный подход в еще большей степени уязвим из-за специфики источников и их сохранности, а доступность материалов оказывается едва ли не хуже, чем в первом варианте, где спонтанно, но все же периодически появляются новые данные, в основном косвенные. Ценность Среднего Поволжья сложно анализировать лишь на региональном и даже макрорегиональном уровне, а только в контексте общеимперского пространства (вне зависимости от его политической дезинтеграции), а то и на континентальном фоне.

История апелляций эмиссаров от образовавшихся в 1917-1918 гг. немецких общественных организаций к представителям Германской империи в российских столицах, а затем попытки наладить работу консульств (в Саратове и не только) реконструирована явно недостаточно¹⁰, зачастую представляется исключительно в гуманитарных тонах, хотя помимо эмоциональных аспектов, ожиданий и отчаяния в этих миссиях довольно быстро появилась политическая составляющая. Крайне важна была оценка открывавшихся возможностей и наметившихся задач на Вильгельмштрассе: будут ли они восприняты как прикладные и третьестепенные, сведутся ли новые каналы связи только к активизации разведки, окажутся ли заинтересованы в активах немцев-колонистов, которые они (предсказуемо) попытались вывести в Германию перед лицом большевистских экономических «инициатив», воспользуются ли – на фоне неоправдавшихся надежд на продовольствие с Украины – экономической статистикой о значении Среднего Поволжья в поставках зерна в Центральную Россию и к экспортным портам и т.д.

Вне сомнения, лакомым куском должны были оказаться и те активы в регионе (включая не только предприятия, но и банковские вклады и пр.), что не имели отношения к немецким собственникам, ведь летом 1918 г. наметился глобальный передел собственности не только и не столько в рамках большевистской политики, но и в связи с амбициями германского капитала по поглощению прежних антантовских акционерных структур и объектов их инвестиций. Проводить его намеревались как в сотрудничестве с большевиками, так и взаимодействуя с ушедшими в подполье крупнейшими финансистами и хозяевами спекулятивных капиталов¹¹.

При любом соотношении между различными мотивами и механизмами их проявления слишком многое подталкивало претендентов на власть в России (и их внешнеполитических партнеров) к установлению контроля над столь важными центрами, как 300-тысячный Саратов и 200-тысячная Самара (как и до этого над «столицами» Новороссии, а также над районом немецких колоний в Закавказье), над регионом Среднего Поволжья в целом, раз уж аналогичные миссии насчет покровительства немецким поселениям в Сибири рассматривать не приходилось.

Многое относительно пределов возможного в революционной обстановке в России германским инстанциям было продемонстрировано, пусть и не сразу осознанно, первыми последствиями восстания Чехословацкого корпуса, несмотря на ошибочную оценку его генезиса и целей, причем как Антантои, так и особенно Германией и даже Совнаркомом. Внезапный захват Самары 8 июня 1918 г.¹² едва ли мог быть по достоинству оценен не ставившими перед собой долгосрочных задач в России командирами чехословацких частей, так что поначалу у их противников были все основания надеяться, что и этот город удастся отбить у восставших, когда они прорвутся достаточно далеко на восток, как это случилось с Пензой и Сызранью.

Значение города куда лучше оценили лидеры Комуча¹³, довольно быстро допустившие ожидаемую, но тяжелую внешнеполитическую ошибку, заявив о своем проантантовском курсе задолго до того, как это можно было бы конвертировать в реальную поддержку странами Согласия, но при этом сразу же мотивировав к борьбе против себя любые прогерманские силы, включая немцев Поволжья, испуганных германофобией чехословаков, а уж тем более десятки тысяч военнопленных, внезапно лишившихся шансов на казалось бы столь близкое освобождение и депатриацию. Такой дилетантизм во внешней политике едва ли возможно списать на идеиные предпочтения кадетов, как раз в эти же недели переживавших тяжелейший раскол в связи с готовностью П.Н. Милюкова, находившегося в оккупированном Киеве, провести радикальный разворот партии в сторону «германской опции» будущего свержения большевиков.

Среднее Поволжье не граничило непосредственно с зоной германской оккупации (хотя и могло оказаться по соседству при участии германских войск во взятии Царицына), однако обладало теми ресурсами для прочного закрепления влияния Кайзеррейха, которые не удалось найти ни в одном из оккупированных им регионов, даже в Остзейских губерниях: многочисленное и безусловно прогермански настроенное население, претендующее лишь на покровительство, а потому нуждающееся не в подкупе и контроле, а лишь в подтверждении своего прописанного в Брестском мире особого – и для РСФСР, для Германской империи – статуса. В отличие от проектов протектората над многочисленными колонистами в Новороссии и куда более скромных масштабов планов насчет немецких поселений в Закавказье, германские эмиссары при взаимодействии с соплеменниками в Среднем Поволжье не нуждались в излишних формальностях и национально-политических ширмах. Для создания неприкрытого или слабо закамуфлированного автономией плацдарма на Волге Кайзеррейху нужна была прочная сделка с Москвой, готовность выделить ресурсы для схватки за Поволжье, а затем Урал и время, то самое время, которое перевело бы противостояние с Антантой в следующую кампанию. На бои будущей весной, а то и летом 1919 г. вполне уверенно рассчитывали даже самые оптимистически настроенные лидеры стран Согласия. Как и в Берлине (и на самом деле в Москве) на революцию в Центральных державах еще до зимы ставок не делали.

Потенциал немецкого анклава в сердце России был более чем очевиден, вызвав весной-летом 1918 г. начало жесткой схватки между Совнаркомом и различными инстанциями Германской империи (где по-разному относились к покровительству над соотечественниками) за симпатии поволжских немцев и организационную инициативу. Сомнительно, что советские инстанции были осведомлены о деталях и последствиях контактов германских дипломатов и военных с представителями поволжских немцев, однако возможный эффект – и заинтересованность кайзеровских ведомств – предполагали и пытались блокировать действительно широкими жестами. До сих пор считалось, что инициированная большевиками и их идеиными союзниками из иностранных коммунистов Немецкая автономия была (и могла быть) исключительно советским проектом¹⁴. Однако с учетом реалий советско-германского взаимодействия в 1918 г. приходится усомниться в столь однозначной оценке. В логике развития континентальной гегемонии Кайзеррейха при сколько-нибудь прочной отладке работы автономии германское влияние на нее и прямой контроль через консульства и посольство, часть которого продолжала работу в Москве до середины ноября, а также через активистов из немцев, которых сложно заподозрить в симпатии к советской составляющей автономистских проектов (пасторов, представителей крупной буржуазии и т.д.), достигли бы таких масштабов, что самостоятельность новой национальной единицы и ее ориентация на германское правительство, а не на Совнарком, вышла бы далеко за пределы большевистских планов. Юридически оформить это через упрощенное получение германского подданства, отладкой финансовых трансферов обеспечить поддержку любых интересов этнических немцев было бы не столь просто, но, вне сомнения, необходимо (для Кайзеррейха) и вполне реально.

Этого немало опасались в Москве, намереваясь задействовать лучшие кадры (К. Радека, Э. Ройтера, И. Гельрих и др.) для наращивания агитации в Поволжье¹⁵. Свернуть или отменить прежние заигрывания

с самостоятельностью под прямым давлением германской стороны, да еще в прифронтовом регионе, большевики ни в 1918-м, ни позднее были бы не в силах. Для оценки рисков следует иметь в виду, что подобные опыты – с резким отказом национальным союзникам в их притязаниях – стали роковыми для Белого движения, например, в борьбе на Урале с участием татарских и башкирских отрядов.

Саратов и Самара как заметные региональные культурные и образовательные центры сулили возможность решения ряда проблем с восстановлением немецкого (и немецкоязычного вообще) влияния и каналов связи на местах, с привлечением (и даже обменом) кадров из Саратовского университета, где с 1915 г. скапливались выходцы из более масштабных вузов (Киева, Одессы, Харькова). Прецедент подобного рода – с трансфером профессуры из вновь германизированного в 1918 г. Юрьева/Дерпта в Воронеж – уже был. Назревало открытие университета и в Самаре (обсуждавшееся Комучем). Весьма далекий от прямого антантовского влияния регион со значительным немецким населением и развитой немецкоязычной научно-культурной средой обретал, таким образом, ценность, выходящую далеко за очевидные материальные выгоды и текущие военные потребности. Частично это отразилось на географии будущего военного сотрудничества РККА и рейхсвера.

По итогам по меньшей мере нескольких месяцев попыток германских эмиссаров установить комплексное взаимодействие с немецкими поселенцами в Поволжье, проходивших в острой конкурентной борьбе с советскими инициативами¹⁶, можно выделить как характерные черты, так и общие тенденции, предопределившие крайне скромные результаты несмотря на уникальные стартовые условия. Очень многое определялось не только засильем стереотипов и недооценкой российских возможностей и степени развития, но и информационным дефицитом, ориентацией на в лучшем случае довоенные данные, а то и на статистику 1897 г. Как и на многих других направлениях политики на Востоке (Ostpolitik) наблюдается роковое отставание кайзеровских инстанций в реакциях и решениях, зачастую связанное с обилием крутых поворотов в истории советско-германских отношений в условиях Брестской системы. Большую роль играло хотя бы то, что ключевые ходатайства за активизацию политических усилий в пользу немцев Поволжья оказывались устраниены с занимаемых постов, в т.ч. в результате теракта (как В. граф фон Мирбах), в ходе сложных интриг (как К. Гельферих или К. Рицлер) или распоряжением начальства (К. фон Ботмер и др.)¹⁷. Не был реализован потенциал активизации Ostpolitik, обеспеченный тем, что германскую дипломатию в июле-октябре (и в некоторой степени до свержения Вильгельма II) возглавлял один из «специалистов по России», много лет проведший в Санкт-Петербурге, – П. фон Хинтце, сторонник pragmatischen сотрудничества с большевиками¹⁸, вынужденный, однако, все большее внимание уделять постепенному развалу германской коалиции, а не развитию заложенных в Брестском договоре условий для гегемонии в Евразии.

Из-за неожиданно быстрого финала Первой мировой войны осенью 1918 г. многие казавшиеся при Хинтце более чем актуальными проекты с образованием правительства Макса Баденского оказались заморожены на стадии обсуждения, а позднее проигнорированы исследователями. В том числе поэтому (но также и в связи с указанными выше особенностями источников) ситуация и приоритетами историографии по смежной тематике образовалась довольно плотная пелена забвения вокруг политики Германской империи по отношению к крупнейшим немецким анклавам, которую лишь с некоторым трудом удается рассеять обнаружением и публикацией новых источников, зачастую весьма специфической ценности (разных типов семейной истории, журналистских очерков и обрывочной агентурной информации). Хватает политизированных оценок участников событий 1918 г. и последующей историографии, где заметно не столько подчеркивание, сколько игнорирование невыгодных явлений, в том числе советско-германского взаимодействия летом-осенью 1918 г., довольно близко подошедшего к открытому военному альянсу. Наконец, сказывалось и стечание обстоятельств, когда буквально в последний момент откладывалась реализация уже принятых решений, впоследствии попросту стертых из рассмотрения под известный рефрен об отсутствии в истории сослагательного наклонения.

Потенциал дальнейших исследований

На основе приведенных выше составляющих и мотивов германских усилий в Среднем Поволжье, требующих дальнейшей реконструкции, можно сделать ряд предположений о конкретных задачах германских эмиссаров в Саратове (а до начала июня и после середины октября - и в Самаре, в течение нескольких недель как минимум), не сводящихся к базовым миссиям, хорошо известным по работе иных кайзеровских миссий в РСФСР, в т.ч. организации репатриации пленных и интернированных¹⁹. Последних в регионе было много и до Брестского мира²⁰, а после него продолжалось накопление тех, кто в надежде на репатриацию «своим ходом» стекался к узловым станциям и прибывал из отдаленных регионов, не имея возможности выехать дальше на запад. Значимость оставшегося под прочным контролем Совнаркома всю кампанию 1918 г. Гражданской войны крупнейшего города Поволжья с точки зрения баланса сил (и упущенных перспектив) уже была описана²¹. Однако при всех выгодах такой губернской фокусировки выход на региональный уровень (для чего достаточно даже всего 2 губерний, общая площадь которых превышала 240 тысяч кв. км, а добавление Симбирской губернии означает 290 тысяч кв. км общей площади региона с совокупным населением (с учетом многочисленных беженцев и иных категорий перемещенных лиц) до 9 миллионов человек) представляет возможность для значительно более весомых предположений о цене неожиданно ставших прифронтовыми городов и уездов.

В силу транспортного положения Саратов стал платформой организационных усилий по наращиванию советских военно-морских сил на Каспии, ведь через него – при пристальном внимании к этому Ленина и Троцкого – осенью 1918 г. перебрасывались малые подлодки для будущей схватки за контроль над Баку, в которой планировали принять активное участие и германские контингенты, для чего даже в октябре велась кропотливая работа по парированию османского своееволия в Азербайджане²². Следующим шагом стала бы очередная попытка Центральных держав закрепиться в северной Персии, а также постановка вопроса о контроле над Красноводском, с выходом к Асхабаду и разгромом уже вступивших в этот регион небольших англо-индийских контингентов, ведших бои с «интернационалистами», то есть с добивавшимися возможность выехать на родину подданными Центральных держав²³. В Саратове были возможности накопления и дополнительного обучения необходимых для будущей кампании в каспийской акватории кадров, тем более что для этой же цели – по партийной линии – этот поволжский город использовали большевики, особенно в предвоенные годы.

Самара по меньшей мере до 1916 г. оставалась единственными и полноценными железнодорожными «воротами в Сибирь». Хотя ввод в действие моста у Симбирска и продолжавшаяся постройка прямой магистрали из Москвы в Екатеринбург через Казань (важнейший участок которой был открыт лишь к концу весны 1918 г.) должны были скорректировать специфическую «монополию» Самары, однако потребовалось бы немалое время для осознания этого, особенно в германских, а не российских инстанциях, и отладки соответствующих транспортных потоков, но в условиях междуусобной войны и нараставшего организационного хаоса шансов на это было немного. Самара была и оставалась летом 1918 г. не только восточным «замком» на Волжском пути, но и ключом к Уралу. Это более чем хорошо осознавали в Кумчеве в 1918 г., как и при планировании весенней кампании 1919 г.: захват Самары означал рассечение красного (или белого) фронта на Восточном театре военных действий, вызывая цепную реакцию как в случае падения города (что сказалось на участии Симбирска, Сызрани, Оренбурга и даже Казани в 1918-м), так и в случае успешной обороны (когда Русская армия Колчака не смогла и близко повторить успехи предыдущего года, имея значительно более крупные и лучше оснащенные войска, чем Народная армия годом ранее). В логике Великой войны контроль над Самарой означал для Антанты возможность консолидации нового Восточного фронта, о чем и было заявлено – в рамках декларации о «верности союзникам», а для Центральных держав – шанс на распространение зоны германской гегемонии за пределы Европейской России. Специфическим

плюсом – для аналитиков в кайзеровских ведомствах – был и неоднородный национальный состав населения Среднего Поволжья, который – с точки зрения Берлина – давал шансы на нелояльность «славянству» и центральной власти вообще, что попытались бы использовать так же, как и в ходе спекуляций вокруг казачьей самостоятельности и некоего Юго-Восточного и «неславянского» союза Дона, Кубани и Кавказа.

«Невидимый» плацдарм политического, а затем и военного влияния Германской империи на Средней Волге оставался таким вовсе не из-за отсутствия необходимых для него условий. Поступательное развитие российской транспортной инфраструктуры, подстегнутое, а затем деформированное чрезвычайными военными усилиями²⁴, сказалось на и без того критически важном для консолидации империи Среднем Поволжье, отразившись в качественном развитии Самарского и Саратовского железнодорожных узлов²⁵. Их связь была бы обеспечена благодаря вполне подготовленному развитию основных магистралей строительству полноценной (то есть сопровождаемой телеграфными, а в перспективе и радиостанциями) линии Саратов/Покровск – Николаевск – Самара, назревшему бурным развитием городов и грузооборота в годы Великой войны²⁶. Продиктованный подобными соображениями, но слабо обеспеченный и легко отраженный удар чехословацких частей на Николаевск в середине августа 1918 г.²⁷ стал иллюстрацией к одной из упущенных антибольшевистскими силами стратегических возможностей. Она превращала два важных и по отдельности центра в часть складывающейся на левом берегу Волги стратегической рокады от Астрахани до Самары (а в обсуждавшейся еще императорскими инстанциями в 1916 г. перспективе (не реализовавшейся по сей день) и до Казани. Контроль над таким объектом, с постройкой железнодорожного моста у Саратова, намеченной еще в 1917 г., означал – с учетом огромного опыта германского командования в организации перевозок и в маневре резервами – создание стратегического барьера, который Антанта не смогла бы преодолеть не только в 1918 г., но и позднее, что и было продемонстрировано в 1919 г., когда Германия этому уже не противодействовала, а победители в Великой войне приложили крупные усилия для консолидации антибольшевистских сил²⁸.

По итогам дополнительных исследований и переоценки зачастую фрагментарных сведений о контактах немецких общин Саратовской и Самарской губерний и германских эмиссаров (а также любых подданных Центральных держав в регионе, особенно интернированных и военнопленных) данная страница в истории Поволжья получает шансы на более детальную реконструкцию. Несмотря на региональную специфику, на невозможность экстраполировать основную часть результатов краеведческих исследований, уже сейчас возможно наметить пути преодоления некорректных разрывов в историографическом полотне событий 1918 г., прекратив целый ряд неконструктивных дискуссий. Намеченное секретными нотами к Добавочному договору²⁹ и уже вступившее в сентябре в стадию реализации военное сотрудничество Советской России и Германской империи могло быть расширено на осеннюю кампанию в Поволжье, во многом предопределившую исход Гражданской войны в пользу большевиков. Однако и Кайзеррейх был вполне заинтересован в активизации усилий далеко на востоке: призом в этой схватке был бы не только разгром откровенно проантантовских сил, особенно Чехословацкого корпуса, но и выход на прямой контакт с атаманом А.И. Дутовым³⁰. На то, что из него удастся сделать своего рода «уральского Краснова», в Берлине рассчитывали, хотя страдали от нехватки надежных сведений. Нормализация отношений с теми, кто контролирует Оренбург, будь то красные, если им помочь его отбить, или казачья коалиция, если она пойдет на сделку с Германией, означала разблокирование дороги в Туркестан, значение чего в сырьевом отношении трудно переоценить. В случае трудностей с захватом Оренбурга германские инстанции обязаны были в еще большей степени сконцентрироваться на Саратове, ведь оттуда через Уральск в Илецк строилась ветка, дававшая альтернативный и куда более короткий путь из Москвы в Центральную Азию.

Доказательство гипотез представляет собой – особенно с учетом источниковой ситуации – довольно сложную задачу, однако ее перспективность и положительный опыт «открытия»

масштабных и далеко не безрезультатных германских проектов и в более отдаленных регионах (в Центральной Азии³¹, Персии, на Дальнем Востоке и даже в некоторых регионах Африки) оккупируют подобные попытки. Однако в любом случае, и без верификации некоторых высказанных выше предположений, можно полагать бесспорным вывод о весомых последствиях закрепления германского влияния в Среднем Поволжье. Вне сомнения, на это – как и в других регионах, от Мурманска до Баку и Владивостока – последовала бы жесткая, но далеко не молниеносная реакция Антанты, что привело бы к дальнейшей эскалации Гражданской войны, насколько это было возможно осенью 1918 г., хотя бы в краткосрочной перспективе. В этом случае внешний импульс к вовлечению в войну всех против всех едва ли оказался бы менее мощным, чем внутренняя реакция на составляющие политики военного коммунизма в его первой редакции и террор всех воюющих сторон. Пусть и не располагая крупными материальными средствами, а тем более свободными войсками для ведения в Поволжье прямой схватки с вооруженными силами на стороне Согласия, Германия могла предоставить большевикам или любым другим силам, готовым к взаимовыгодному партнерству ценой столкновения с бывшими соотечественниками с иной внешнеполитической ориентацией, то, в чем они так остро нуждались: разного рода оружие и боеприпасы, медикаменты, оборудование, инструкторов, особенно для «интернационалистов» и для добровольцев из немецкого ополчения, инструменты давления, включая финансы, и свою репутацию. Пример с сотрудничеством с атаманом П.Н. Красновым более чем показателен. Роль внешних импульсов в развертывании по-настоящему широкомасштабной Гражданской войны на юге России более наглядна и потому уже подверглась переоценке³², в том числе благодаря богатой историографии Белого движения в регионе³³, но схожие предпосылки, пусть и с менее благоприятной источниковской ситуацией, наличествуют относительно истории вооруженного противостояния как в Среднем Поволжье, так и в других «внутренних» регионах³⁴.

Определившийся после взятия Самары 1-й и 4-й армиями РККА 8 октября 1918 г. исход схватки за Среднее Поволжье последовал для основанных на взаимодействии с Советской Россией проектов Германской империи в регионе слишком поздно. Очевидное поражение Центральных держав в Первой мировой войне заставило не только свернуть проекты наращивания влияния в глубине России и на ее периферии, но и побудило многих потенциальных партнеров Германии, включая поволжских немцев, переориентироваться на дальнейшее развитие под патронажем Совнаркома или Антанты. Однако даже краткосрочное «окно возможностей» Кайзеррейха в Среднем Поволжье явилось важным фактором в динамике и расстановке сил в регионе, а потому нуждается в реконструкции как достигнутого, так и намеченного и досягаемого, но – из-за нехватки времени – не реализованного в ходе первого, но не последнего германского рывка к мировому господству.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это хорошо видно и по базовым документальным подборкам, и по крупнейшим работам. См., напр.: Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkriegs. Wien; München, 1966; Советско-германские отношения от Октябрьской революции до заключения Рапалльского договора: В 2 т. Т. 1. От Октябрьской революции до конца 1918 г. М., 1968.

² Помимо волны интереса к Обер Осту в начале 2000-х гг. продолжают выходить и куда менее известные, особенно в России работы, на новой источниковской базе: Klare K.-A. Imperium ante portas. Die deutsche Expansion in Mittel- und Osteuropa zwischen Weltpolitik und Lebensraum (1914-1918). Wiesbaden, 2020.

³ См., напр.: Каливас С. Логика насилия в гражданской войне / Пер. с англ. Н. Алексеевой, С. Алексеева. М., 2019.

⁴ Это вполне очевидно даже по тем исследованиям, что не ставят подобной задачи: Дённингхаус В. Революция, реформа и война. Немцы в период заката Российской империи. М., 2015.

⁵ См., подр.: Zwischen Revolution und Autonomie. Dokumente zur Geschichte der Wolgadeutschen aus den Jahren 1917 und 1918 / hrsg. von V. Herdt. Köln, 2000.

⁶ До сих пор прессы поволжских немцев не подвергалась исследованию на предмет восприятия

Брестского мира и особенностей его ратификации и последующей имплементации.

⁷ См., подр.: *Ланник Л.В.* Брестская система международных отношений как пространство германской гегемонии в Восточной Европе. Дисс... д.и.н. М., 2022.

⁸ Более того, классический образ «мозга армии» еще и подвергается сомнению, по меньшей мере в зарубежной историографии: *Gehirne der Armeen? Die Generalstäbe der europäischen Mächte im Vorfeld der Weltkriege* / hrsg. von L. Grawe. Paderborn, 2023.

⁹ См.: *Фишер Ф.* Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914-1918 гг. / Перев. с нем., комм. и пред. Л.В. Ланника. М., 2017.

¹⁰ До сих пор лишь частично известны и слабо учтены в отечественной историографии подробности поездок эмиссаров в Петроград зимой 1918 г. и в Москву весной-летом 1918 г. См.: *Schleuning J. Mein Leben hat ein Ziel: Lebenserinnerungen eines russlanddeutschen Pfarrers*. Witten, 1964; *Бонвич Б.* С Россией и без нее / Пер. с нем. Л. Башкиной. М., 2019.

¹¹ См., напр.: *Ланник Л.В., Тарасов К.А.* Финансист контрреволюции. Прогерманский политico-экономический проект К.И. Ярошинского в 1918 г. // Россия и современный мир. 2022. № 4(117). С. 23-41.

¹² Многие его обстоятельства были откровенно далеки от того героического пафоса, в который впоследствии пыталась облечь события советская историография, однако ряд сведений о сдаче важнейших объектов без боя и почти полном развале большевистских инстанций сохранился даже в партийных архивах: СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 5.

¹³ См., подр.: Под знаменем Комуча. (Самарский край, июнь-октябрь 1918 г.): Сб. док-тов и мат-лов / науч. ред. А.В. Калягин; сост. О.В. Зубова и др. Самара, 2018.

¹⁴ При всей неоднозначности его восприятия титульным населением и конфликтах с Москвой при реализации. См., подр.: *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге 1918-1941. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2007.

¹⁵ См., подр.: *Ланник Л.В.* Непосильная гегемония: Германская империя на фронтах Гражданской войны в России. СПб., 2023. С 189-191.

¹⁶ См., подр. почти безальтернативное, но далеко не объемное исследование: *Eisfeld A. Deutsche Kolonien an der Wolga 1917-1919 und das Deutsche Reich*. Wiesbaden, 1985.

¹⁷ Даже относительно чинов столичных миссий возникают существенные источниковые трудности: *Ланник Л.В.* Источники личного происхождения о деятельности германского посольства в Москве в 1918 г.: дефицит показаний // Вестник БГУ. 2023. № 1. С. 100-109. Сколько-нибудь точных данных о десятках германских чиновников и офицеров, действовавших на периферии, обнаружить зачастую невозможно.

¹⁸ См., подр.: *Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903-1918* / engl. und hrsg. von J. Hürter. München, 1998.

¹⁹ Помимо указанных выше проблем с источниками следует констатировать отсутствие действительно масштабной современной монографии о репатриации военнопленных из Германии и их последующей роли в политической трансформации Центральной Европы, в том числе из сравнительно небольшой численности кайзеровских военнослужащих, побывавших в плену в России. Однако перспективы темы (пусть и в основном для истории Европы, а не для исследования событий целого ряда регионов Российской империи) продемонстрированы на австро-венгерском материале: *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917-1920. Wien; Köln; Weimar, 2003.

²⁰ См., подр.: *Калякина А.В.* Под охраной русского великолушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914-1922). М., 2014.

²¹ См., подр.: *Ланник Л.В., Посадский А.В.* «Саратовский ключ» к кампании 1918 г. // Новая и новейшая история. 2023. № 3. (67). С. 84-100.

²² См., подр.: *Baumgart W.* Das «Kaspi-Unternehmen» – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? 2 Tle. // JfGO. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47-126; Hf. 2. S. 231-278; *Мирзеханов В.С., Ланник Л.В.* В перекрестье имперских проектов. Pax Ottomanica от первой конституции до Лозаннского мира. М., 2025. С. 321-327.

²³ См., подр.: Битва за сырье: Великая война в сердце Евразии, 1917-1920 гг. / Пер. с нем., комм., пред. Л.В. Ланника. СПб., 2025.

²⁴ Состояние транспортной сети к началу 1918 г. см. в атласе: *Ильин А.* Железные дороги России. Пг., 1918.

²⁵ Их значимость, а также роль в этом процессе событий Первой мировой и Гражданской войн не-трудно представить, обратившись к истории отечественного транспорта в годы Великой Отечественной войны («куйбышевская пробка» и т.д.).

²⁶ Изыскания части Заволжской железной дороги в 120 верст от Николаевска до станции Майтуга пытались организовать и летом 1918 г., см.: Под знаменем Комуча. С. 233, 259. Однако проект был

реализован хотя бы для технического движения (через Чапаевск) лишь в 1940-х гг., еще позже, чем строившаяся еще в 1917-1918 гг. линия Уральск – Илецк.

²⁷ Ненадолго город захватывали в середине лета 1919 г. и уральские казаки. Весьма подробное, но выдержанное до сих пор исключительно в советской традиции (вплоть до терминологии и эпитетов) описание локального уровня событий см.: Журавлев К.И., Симонов А.А., Сулейманова Н.И. Город Пугачев. История и современность: в 2 т. Т. 1. Саратов, 2016.

²⁸ См., подр.: Жанен М. С миссией в воюющей России. Моя миссия в Сибири, 1916-1920 гг. Воспоминания / Сост., вст. ст. и комм. Р.Г. Гагкуев. М., 2023.

²⁹ См.: Ватлин А.Ю., Ланник Л.В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208-230.

³⁰ Масштабная историография «германскую опцию» в расчетах атамана в 1918 г. не упоминает: Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. Ее обнаружение является перспективной задачей на основе германских дипломатических архивов.

³¹ См., напр.: Mark R.A. Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914-1924. Paderborn u.a., 2013; Ланник Л.В. Германский фактор в развертывании Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: проблема переоценки // Гражданская война в России. Проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности. Сб. науч. трудов / Под ред. В.М. Рынкова, В.В. Журавлева. Новосибирск, 2022. С. 257-270.

³² См.: Ланник Л.В. Непосильная гегемония. С. 600-653.

³³ См., напр.: Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на юге России (ноябрь 1917 г. – декабрь 1918 г.) / Науч. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 2021.

³⁴ См.: Голдин В.И. Анатомия интервенции, или Кто и как развязал Гражданскую войну на Севере России. М., 2024.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Baumgart W. Das «Kaspi-Unternehmen» – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? 2 Tle. // JfGO. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47-126; Hf. 2. S. 231-278.
2. Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkriegs. Wien; München, 1966.
3. Eisfeld A. Deutsche Kolonien an der Wolga 1917-1919 und das Deutsche Reich. Wiesbaden, 1985.
4. Gehirne der Armeen? Die Generalstäbe der europäischen Mächte im Vorfeld der Weltkriege / hrsg. von L. Grawe. Paderborn, 2023.
5. Klare K.-A. Imperium ante portas. Die deutsche Expansion in Mittel- und Osteuropa zwischen Weltpolitik und Lebensraum (1914-1918). Wiesbaden, 2020.
6. Mark R.A. Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914-1924. Paderborn u.a., 2013.
7. Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903-1918 / engl. und hrsg. von J. Hürter. München, 1998.
8. Schleuning J. Mein Leben hat ein Ziel: Lebenserinnerungen eines russlanddeutschen Pfarrers. Witten, 1964.
9. Zwischen Revolution und Autonomie. Dokumente zur Geschichte der Wolgadeutschen aus den Jahren 1917 und 1918 / hrsg. von V. Herdt. Köln, 2000.
10. Битва за сырье: Великая война в сердце Евразии, 1917-1920 гг. / Пер. с нем., комм., пред. Л.В. Ланника. СПб., 2025.
11. Бонвич Б. С Россией и без нее / Пер. с нем. Л. Башкиной. М., 2019.
12. Ватлин А.Ю., Ланник Л.В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208-230.
13. Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006.
14. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2007.
15. Голдин В.И. Анатомия интервенции, или Кто и как развязал Гражданскую войну на Севере России. М., 2024.

16. Дённингхаус В. Революция, реформа и война. Немцы в период заката Российской империи. М., 2015.
17. Журавлев К.И., Симонов А.А., Сулейманова Н.И. Город Пугачев. История и современность: в 2 т. Т. 1. Саратов, 2016.
18. Ильин А. Железные дороги России. Пг., 1918.
19. Каливас С. Логика насилия в гражданской войне / Пер. с англ. Н. Алексеевой, С. Алексеева. М., 2019.
20. Калякина А.В. Под охраной русского величодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914-1922). М., 2014.
21. Ланник Л.В. Брестская система международных отношений как пространство германской гегемонии в Восточной Европе. Дисс... д.и.н. М., 2022.
22. Ланник Л.В. Германский фактор в развертывании Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: проблема переоценки // Гражданская война в России. Проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности. Сб. науч. трудов / Под ред. В.М. Рынкова, В.В. Журавлева. Новосибирск, 2022. С. 257-270.
23. Ланник Л.В. Источники личного происхождения о деятельности германского посольства в Москве в 1918 г.: дефицит показаний // Вестник БГУ. 2023. № 1. С. 100-109.
24. Ланник Л.В. Непосильная гегемония: Германская империя на фронтах Гражданской войны в России. СПб., 2023.
25. Ланник Л.В., Посадский А.В. «Саратовский ключ» к кампании 1918 г. // Новая и новейшая история. 2023. № 3. (67). С. 84-100.
26. Ланник Л.В., Тарасов К.А. Финансист контрреволюции. Прогерманский политico-экономический проект К.И. Ярошинского в 1918 г. // Россия и современный мир. 2022. № 4(117). С. 23-41.
27. Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. В перекрестье имперских проектов. Pax Ottomanica от первой конституции до Лозаннского мира. М., 2025.
28. Под знаменем Комуча. (Самарский край, июнь–октябрь 1918 г.): Сб. док-тов и мат-лов / науч. ред. А.В. Калягин; сост. О.В. Зубова и др. Самара, 2018.
29. Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на юге России (ноябрь 1917 г. – декабрь 1918 г.) / Науч. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 2021.
30. Советско-германские отношения от Октябрьской революции до заключения Рапалльского договора: В 2 т. Т. 1. От Октябрьской революции до конца 1918 г. М., 1968.
31. Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914-1918 гг. / Перев. с нем., комм. и пред. Л.В. Ланника. М., 2017.

REFERENCES

1. Bitva za sy`r`e: Velikaya vojna v serdce Evrazii, 1917-1920 gg. / Per. s nem., komm., pred. L.V. Lannika. SPb., 2025.
2. Bonvech B. S Rossiej i bez nee / Per. s nem. L. Bashkinoj. M., 2019.
3. Vatlin A.Yu., Lannik L.V. Tajny`e noty` k Dobavochnomu dogovoru 27 avgusta 1918 g.: neizvestny`j syuzhet iz istorii sovetsko-germanskix otnoshenij na isxode Pervoj mirovoj vojny` // Novaya i novejshaya istoriya. 2021. № 5. S. 208-230.
4. Ganin A.V. Ataman A.I. Dutov. M., 2006.
5. German A.A. Nemetskaya avtonomiya na Volge 1918–1941. Izd. 2-e, ispr. i dop. M., 2007.
6. Goldin V.I. Anatomiya intervencii, ili Kto i kak razvyyazal Grazhdanskuyu vojnu na Severo Rossii. M., 2024.
7. Dyonningxaus V. Revolyuciya, reforma i vojna. Nemcy v period zakata Rossijskoj imperii. M., 2015.
8. Zhuravlev K.I., Simonov A.A., Sulejmanova N.I. Gorod Pugachev. Istorya i sovremennost`: v 2 t. T. 1. Saratov, 2016.
9. Il`in A. Zhelezny`e dorogi Rossii. Pg., 1918.
10. Kalivas S. Logika nasiliya v grazhdanskoj vojne / Per. s angl. N. Alekseevoj, S. Alekseeva. M., 2019.
11. Kalyakina A.V. Pod oxranoj russkogo velikoduschiya. Voennoplennyye Pervoj mirovoj vojny` v Saratovskom Povolzh`e (1914-1922). M., 2014.

12. *Lannik L.V. Brestskaya sistema mezhunarodnyx otnoshenij kak prostranstvo germanskoy gegemonii v Vostochnoj Evrope. Diss... d.i.n. M., 2022.*
13. *Lannik L.V. Germanskij faktor v razvertyvanii Grazhdanskoy vojny v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: problema pereocenki // Grazhdanskaya vojna v Rossii. Problemy vyxoda, istoricheskie posledstviya, uroki dlya sovremennosti. Sb. nauch. trudov / Pod red. V.M. Ry'nkova, V.V. Zhuravleva. Novosibirsk, 2022. S. 257-270.*
14. *Lannik L.V. Istochniki lichnogo proisxozhdeniya o deyatel'nosti germanskogo posol'stva v Moskve v 1918 g.: deficit pokazanij // Vestnik BGU. 2023. № 1. S. 100-109.*
15. *Lannik L.V. Neposil'naya gegemoniya: Germanskaya imperiya na frontax Grazhdanskoy vojny v Rossii. SPb., 2023.*
16. *Lannik L.V., Posadskij A.V. «Saratovskij klyuch» k kampanii 1918 g. // Novaya i novejshaya istoriya. 2023. № 3. (67). S. 84-100.*
17. *Lannik L.V., Tarasov K.A. Finansist kontrrevolyucii. Progermanskij politiko-e'konomicheskij proekt K.I. Yaroshinskogo v 1918 g. // Rossiya i sovremennyj mir. 2022. № 4(117). S. 23-41.*
18. *Mirzexanov V.S., Lannik L.V. V perekrest'e imperskix proektorov. Pax Ottomanica ot pervoj konstitucii do Lozannskogo mira. M., 2025.*
19. *Pod znamenem Komucha. (Samarskij kraj, iyun'-oktyabr' 1918 g.): Sb. dok-tov i mat-lov / nauch. red. A.V. Kalyagin; sost. O.V. Zubova i dr. Samara, 2018.*
20. *Puchenkov A.S. Pervyj god Dobrovol'cheskoj armii: ot vozniknoveniya «Alekseevskoj organizacii» do obrazovaniya Vooruzhennyx sil na yuge Rossii (noyabr' 1917 g. – dekabr' 1918 g.) / Nauch. red. N.N. Smirnov. SPb., 2021.*
21. *Sovetsko-germanskie otnosheniya ot Oktyabr'skoj revolyucii do zaklyucheniya Rapall'skogo dogovora: V 2 t. T. 1. Ot Oktyabr'skoj revolyucii do konca 1918 g. M., 1968.*
22. *Fisher F. Ry'vok k mirovomu gospodstvu. Politika voennyx celej kajzerovskoj Germanii v 1914-1918 gg. / Perev. s nem., komm. i pred. L.V. Lannika. M., 2017.*

THE MIRAGE OF THE GERMAN BRIDGEHEAD ON THE MIDDLE VOLGA: WHAT WAS PLANNED AND WHAT WAS ACHIEVED IN 1918

© 2025 L.V. Lannik

Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

In the spring of 1918, due to the terms of the Brest Peace, the German Empire received unique opportunities for further comprehensive expansion deep into Eurasia, which sharply increased its interest in the Middle Volga region. The presence of a large number of Volga Germans who were ready to rely on the patronage of the Kaiser's authorities should be considered as a peculiarity of the region. The escalation of the Civil War, especially after the uprising of the Czechoslovak Corps, was associated with attempts by the Entente to restore the Eastern Front in any region of the former Russian Empire. In such a situation, control over Saratov and Samara, as well as over a number of provincial towns, acquired not only an infrastructural and reputational dimension, but also opened up the prospect of long-term German-Soviet cooperation on a solid regional basis. It is necessary to consider in this context at least the formation of German autonomy on the Volga, as well as a number of episodes of armed confrontation in the Trans-Volga region with the participation of subjects of the Central Powers. The necessary channels of influence of the German Empire on the situation in the region and the motivation to participate in the battle for the Volga region were more than sufficient. Only the lack of time and the unfavourable dynamics of the 1918 campaign on other fronts of the First World War for the Central Powers prevented Germany from consolidating its existing levers of influence and regional pro-German forces.

Keywords: Middle Volga region, Volga Germans, infrastructure, consulate, German Empire, Brest system, Supplementary treaty, World War I, Civil War, German autonomy on the Volga, Saratov, Samara.

DOI: 10.37313/2658-4816-2025-7-3-139-151

EDN: XYZZY